
РАЗВОД
Бизнес строила я, милый
Вера Сопрано

Вера Сопрано

Развод. Бизнес строила я, милый

«Автор»
2026

Сопрано В.

Развод. Бизнес строила я, милый / В. Сопрано — «Автор», 2026

«С понедельника коммерцией руководит Сабрина. А ты, Анита, отдохни. Ты же устала, правда?» Это сказал муж на планёрке, при всех, в мой юбилей фабрики.Двадцать лет назад я начинала её на кухне с тремя соседками. Двадцать три года я была его женой. Вечером он ушёл к Сабрине, бренд-менеджеру из моей же команды.А по документам директор он, и пятьдесят один процент оформлен на него «для банка». Рецепты и техкарты тоже записаны на его имя.Я отказалась подписывать его бумаги и подала на развод. Теперь у меня тетради с рецептами, работницы, которые помнят, как всё начиналось, и адвокат.Мясо мне согласен поставлять только Клим Остроухов, фермер, которого Ильдар когда-то выгнал. Клим ворчит, торгуется за каждый килограмм и спорит с соседями, что я сдамся к весне.Сын знает, куда пропали мамины тетради, и молчит. До суда месяц, и на чьей он стороне, я узнаю последней.При подготовке книги использовалась нейросеть.

© Сопрано В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ты же устала, правда? 5
Глава 2. Пап сказал, ты сама согласилась 10
Глава 3. Дешевле на четыре рубля 15
Глава 4. После сделки купим тебе квартиру 20
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Вера Сопрано
Развод. Бизнес строила я, милый

Глава 1. Ты же устала, правда?

– С понедельника коммерцией руководит Сабрина. А ты, Анита, отдохни. Ты же устала, правда?

Ильдар говорит это так буднично, словно сообщает, что в столовой сменили поставщика компота. За столом в переговорной двенадцать человек, сквозь стеклянную стену видно цех лепки, где в белых колпаках стоят мои женщины, и сегодня фабрике ровно двадцать лет. Двадцать лет назад я лепила первые четыре килограмма на шестиметровой кухне, а теперь мой муж при всех отправляет меня отдыхать, и никто не смеётся, потому что это не шутка.

Нурия, сидящая напротив, роняет ручку, и та катится по стеклянной столешнице с таким звуком, что слышат даже в цеху. Гульсина утыкается в свой блокнот и выводит там что-то очень старательное, хотя я точно знаю, что в блокноте у неё записаны только цифры по сырью. Нил стоит у двери с наушниками на шее, и когда я поворачиваюсь к нему, он изучает носки своих кроссовок так внимательно, будто там написан ответ на экзамене. Сабрина в белых кроссовках и бежевом костюме сидит по правую руку от Ильдара, и её рыжее каре не шевелится, пока она вежливо опускает ресницы.

Я улыбаюсь. Не потому, что смешно, а потому, что если сейчас не улыбнусь, заплачу прямо здесь, при Нурии, при двух мастерах смены, при девочке из отдела качества, которая пришла на планёрку впервые и теперь не знает, куда деть глаза. Улыбка получается тугая, как резинка на банке с огурцами, и я держу её, пока Ильдар переходит к следующему пункту: поставки упаковки, июльский график, жара и холодильные камеры.

– Анита Сергеевна, вы согласны? – спрашивает кто-то из мастеров, и я понимаю, что не слышала вопроса.

– Ой, да, конечно, – говорю я, и голос звучит почти нормально. – Камеры проверим до выходных, я распоряжусь… ох, то есть, наверное, уже не я. Нурия, ты возьмёшь?

– Возьму, – рычит Нурия и наклоняется за ручкой так резко, что стул под ней скрипит. – А-а-а, да что же это за день такой, а! Я возьму, Аня, не переживай, возьму, только ты…

– Нурия Ахатовна, у нас планёрка, – мягко вставляет Сабрина. – Давайте по пунктам, у нас дедлайн по упаковке.

Нурия открывает рот, но я успеваю качнуть головой, и она закрывает его, ворча что-то в воротник. Планёрка кончается через двадцать минут, которые тянутся как смена без обеда. Я выхожу последней, потому что хочу пропустить всех вперёд и не видеть чужих лиц, и в коридоре второго этажа пахнет горячим картоном и кондиционером. За окном стоит тридцать один градус, асфальт на парковке дрожит, и мой собственный белый халат липнет к спине.

***

Мой кабинет рядом с лабораторией, крошечный, с одним окном во двор. На подоконнике стоит мамина скалка, тёмная от пятидесяти лет муки, и я беру её в руки, потому что надо же что-то держать. Дерево тёплое от солнца, и я провожу пальцем по вытертому месту, где всегда лежала мамина ладонь, а потом моя. Дверь открывается без стука, и я знаю, кто это, по запаху его одеколона раньше, чем он закрывает её за собой.

– Анюта, ну что ты, давай без эмоций. – Ильдар встаёт у стола и поправляет манжету, левую, потом правую, как перед камерой. – Вечером юбилей, приедут партнёры, из администрации обещали человека. Не порть праздник, пожалуйста. Мы потом всё обсудим, дома, спокойно, по-взрослому.

– Ты решил это за неделю, за месяц? – спрашиваю я, не выпуская скалку. – Ильдар, ты сказал это при двенадцати людях. Нурия ручку уронила, ты видел? Она двадцать лет эту ручку держала, а сегодня уронила, потому что услышала, как ты меня… как ты меня отправил.

– Никто тебя никуда не отправлял. – Он вздыхает, тепло, по-домашнему, и от этого мне холодно. – Ты правда устала, Анют. У тебя шея вечером не гнётся, ты сама говорила. Сабрина вытянет сбыт, она талантливая, ты видела цифры по маркетплейсам. А ты будешь заниматься тем, что любишь, рецептурой, дегустациями. Это не понижение, это передышка.

– То есть я по-прежнему главный технолог?

– Конечно. – Он слишком быстро отвечает и отворачивается к окну, где во дворе разгружается фура с мукой. – Конечно, ты главный технолог. Давай не будем из мухи делать слона, ладно? Я для нас стараюсь.

Я не плачу. Это даётся мне так тяжело, что в висках начинает стучать, и я переставляю скалку с одного края подоконника на другой, просто чтобы руки были заняты. Хочется швырнуть её в стену, хочется крикнуть, что никакой передышки мне не надо, что я не просила, но вместо этого я слышу собственное тихое, оправдывающееся:

– Ну-у, я просто не поняла, зачем при всех. Мог бы вечером, дома. Я бы хоть… я бы хоть успела придумать лицо.

– Вот поэтому при всех, – говорит он почти ласково. – Дома ты бы начала переживать, обижаться. А так всё ясно, рабочий момент. Ладно, мне надо звонить в банкетный. Платье надень синее, то, с поясом.

Он уходит, оставляя после себя шлейф одеколона и приоткрытую дверь. Я стою над синей пластиковой папкой на столе, в которой лежат мои протоколы дегустаций за прошлый квартал, и думаю, что эти бумаги мне сейчас так же не нужны, как зонт в пустыне. Потом всё-таки кладу скалку на место, ровно в её пыльный отпечаток, и иду вниз, в цех.

***

В цехе лепки жарко от печей для стерилизации инвентаря и от сорока женщин, у которых в руках живое тесто. Я прохожу вдоль столов, и девочки отводят глаза, но кто-то быстро шепчет «Анита Сергеевна, держитесь», а кто-то просто кивает, и от этого горло снова поджимается. На месте возле окна, где всегда стоит стул для почётных гостей, сидит Фирюза-апа в нарядной кофте с брошью и в очках на цепочке. Она на пенсии пять лет, но на юбилей пришла с утра, с пирогом в сумке, чтобы «по-человечески посидеть с девочками до банкета».

– Анечка, иди сюда, – говорит она тихо, и когда я наклоняюсь, берёт меня за рукав своими маленькими сухими пальцами. – Я слышала в коридоре, как мальчишки болтали. Дура я старая, надо было раньше сказать. Только не кричи, ладно? В мае, в среду, я ехала с рынка на первом автобусе, ну, в семь утра. И вижу: его чёрная машина стоит у новостройки на Северо-Западе. А из неё выходит эта, рыжая. Он ей ещё сумку подал.

– Фирюза-апа, – говорю я шёпотом, – может, он её подвозил. Она же ему на работе нужна, они вместе в командировки…

– В семь утра с сумкой, из машины, у её дома, и он следом в окно смотрит, пока не зайдёт. – Она качает головой и поправляет очки. – Я три раза замужем была, Анечка, я знаю, как мужчина смотрит на женщину, которую подвозит по работе. Так не смотрят. Я тебе не хочу сказать плохое, но если промолчу, потом сама себе не прощу. Пословица есть: кто знает, да молчит, тот и делит вину.

Пословицы у Фирюзы всегда не совсем те, которые в книжках, но попадают они ровнее. Я стою, согнувшись над ней, и чувствую, как под моим халатом остывает спина: пот высох, будто кто-то открыл холодильную камеру. Вот оно. Не «отдохни», не «передышка», вот оно, настоящее. Как просто всё складывается, как удобно: командировки, поздние совещания, это внимание к новому дизайну, эти вечные «Сабрина считает, Сабрина предложила». Я столько

месяцев смотрела на эти кусочки и не складывала их в картинку, потому что мне было спокойнее не складывать.

– Спасибо, что сказала, – выдавливаю я. – Ой, подожди, не плачь, пожалуйста, ты мне весь макияж испортишь, а он мне сегодня ещё нужен.

– Это ты сама не плачь, – шмыгает носом Фирюза и торопливо достаёт платочек из рукава. – Я старая, мне можно.

Я целую её в макушку, в платок, пахнущий яблоками и лавандой, и ухожу, пока лицо не поплыло. На проходной у двери стоит Нил и теребит наушники, и по его виду ясно, что он ждёт меня уже минут десять.

– Мам, ну, – начинает он и замолкает.

– Что, Нил? – Я останавливаюсь, и мне вдруг очень хочется услышать, что он скажет. – Говори, у тебя лицо, будто ты в чужом доме тарелку разбил.

– Да ничего. Короче, там… в «Плотине» мне с шарами надо помочь, папа попросил. Я поеду раньше, ладно? Ты сама доберёшься? – Он трёт нос тыльной стороной ладони и всё-таки поднимает глаза, и в них такая тоска, что я не могу сердиться. – Мам, ну ты… не обижайся только, ладно?

– На кого, сынок?

Он молчит, а потом пожимает плечом и уходит к парковке, на ходу натягивая наушники. Я смотрю ему вслед и понимаю, что за последние десять минут второй человек сказал мне то, чего не сказал вслух.

***

Банкетный зал «Плотина» стоит на самом берегу, и вечером вода за большими окнами розовеет, как разведённый клюквенный морс. К семи собираются человек восемьдесят: мастера, начальники смен, поставщики, парень из администрации в тесном пиджаке, жёны, дети, водители. Ахмет-абый в праздничной кепке шутит у входа, что за двадцать лет довозил до этого стола столько фарша, что мог бы уже получить заслуженный диплом повара. Я стою в синем платье с поясом, как мне велели, и улыбаюсь каждому подходящему, и спина у меня прямая, потому что мама учила держать спину, когда внутри дрожит.

Сабрина появляется в белом брючном костюме, и все оборачиваются, потому что она красива, как картинка на упаковке. Она подходит ко мне, протягивает руку и очень вежливо говорит, что рада меня видеть, что вечер получился великолепный и что она уважает всё, что я сделала для компании. Я пожимаю прохладные пальцы и отвечаю «спасибо, Сабрина, вы очень любезны», и мы обе знаем, что произносим тексты из чужой пьесы.

Потом гаснет свет, и на экране над сценой начинается фильм о фабрике. Красивый, с закатами над промзоной, с дроном над цехами, с торжественной музыкой. Голос за кадром рассказывает, как молодой энергичный менеджер Ильдар Оленев в две тысячи шестом году начинал в собственном гараже, как с первой партии пельменей понял, что за домашним вкусом большое будущее. На экране Ильдар в гараже, в свитере, с молотком в руке, возле какой-то облупленной дверцы, и зал одобрительно гудит. Я сижу и жду, когда мелькнёт мой фартук, моя коса, мои руки над тестом. Жду десять минут. Двенадцать. Мелькают грузовики, мелькает Ильдар, мелькает молодой Ахмет, мелькают какие-то люди, которых я никогда не видела, нарисованные нейросетью или куплённые на фотостоке. Меня в кадре нет вообще.

– Аня, – шипит у плеча Нурия, и в её голосе дрожит ярость, – я пойду и этому оператору голову откручу! Ты видела? Гараж! Какой гараж, а! Мы на твоей кухне лепили, я там мукой двадцать лет потом чихала!

– Нурия, тише, – шепчу я. – Люди смотрят, не надо.

– Пусть смотрят!

На столе возле моей тарелки лежит новая пачка пельменей, сувенирная, в подарок каждому гостю, с золотым тиснением к юбилею. Я беру её и поворачиваю к свету. Раньше на

пачке были четыре женские руки над тестом, нарисованные Фирюзой-апа карандашом на моём кухонном столе, а наш первый дизайнер за бутылку вина и коробку конфет только перенёс их в макет, и эти руки стояли там семнадцать лет. Теперь вместо них минималистичный овал, шрифт без засечек и слово «Соседки», написанное так, будто его выбрали из каталога. Ни рук, ни теста, никого.

Я кладу пачку на скатерть, аккуратно, и встаю. Ильдар в этот момент поднимается на сцену с микрофоном и начинает благодарить «всех, кто был рядом», а зал аплодирует.

Я выхожу через боковую дверь на берег.

Вода у плотины тёмная, тёплая, пахнет тиной и свежескошенной травой. На другой стороне горят огни частного сектора, где-то лает собака, и жара наконец отпускает, оставляя после себя усталую душную сладость вечера. Я снимаю туфли, потому что каблуки вязнут в песке, и ставлю их рядом, носками к воде, как делала в детстве у деда на озере. За спиной приглушённо хлопают, чей-то голос в микрофоне произносит «двадцать лет, коллеги!», и я зажмуриваюсь, потому что сейчас мне можно. Здесь никто не видит.

Ой, как же глупо. Я стою в своём лучшем платье босая на чужом берегу, на двадцатилетии собственного дела, и реву, как первоклашка, у которой отобрали ранец. Ревёт, оказывается, хорошо. Слёзы горячие и солёные, и в какой-то момент я даже смеюсь, потому что вспоминаю, как мы с Фирюзой и Нурией в две тысячи шестом лепили на кухне до трёх ночи и спорили, класть в тесто яйцо или нет.

– Анита Сергеевна? – Голос за спиной тихий, женский. – Вы в порядке?

Я быстро вытираю лицо ладонями, поворачиваюсь, и сердце замирает: Гульсина стоит с моими туфлями в руке, которые я, оказывается, забыла возле воды, пока бродила.

– Гуля, господи, ты меня напугала. Всё хорошо. Жарко очень, вышла подышать.

– Да, – говорит она, и мы обе понимаем, что это неправда. Она протягивает туфли и вдруг быстро добавляет: – Анита Сергеевна, я хотела сказать. Я не знала, что так будет, честное слово. Меня тоже… никто не предупредил.

Она сжимает свой блокнот так, будто это спасательный круг, и уходит обратно в зал, не дожидаясь ответа. А я стою и думаю, что «тоже» в её словах значит гораздо больше, чем она позволила себе сказать.

***

Дом встречает меня темнотой и запахом остывшей печи. Такси уезжает, шурша колёсами по гравию, и я какое-то время просто стою в прихожей, сжимая в руках клатч и ту самую сувенирную пачку, которую всё-таки взяла с собой. В гостиной горит торшер, значит, Ильдар приехал раньше и ждёт. Наверху в комнате Нила приглушённо играет музыка, ровная и однообразная, как капающий кран.

Ильдар сидит в кресле у стеклянной двери на террасу, и на полу рядом с ним стоит раскрытый чемодан, тот самый, кожаный, с которым мы ездили на море. Вещи уложены ровно, рубашки сложены по цветам, носки в мешочке: так складывает человек, который готовился заранее и не торопится. Он поднимает на меня глаза и не вскакивает, не оправдывается, а только слегка улыбается краем рта.

– Я хотел поговорить без людей, – произносит он негромко. – Присядь, Анита.

– Постою. – Я ставлю клатч на комод и не снимаю туфли, потому что в туфлях мне легче держать лицо. – Ты собираешь чемодан после нашего юбилея, Ильдар. Это что, традиция новая?

– Не надо иронии. – Он поправляет манжету и косится на часы, как будто время имеет значение. – Я не хотел устраивать сцену до праздника, потому и промолчал сегодня утром. У меня есть женщина. Сабрина. С февраля. Не хочу, чтобы ты узнала от кого-то в коридоре, раз уж ты, судя по глазам, уже что-то знаешь.

Вот теперь это слово произнесено, и странно, что оно не взрывается, не гремит, а просто лежит между нами на ковре, как оброненный ключ. Я ждала, что мне станет хуже, а стало почти ясно, до противной чистоты, как в ванной после генеральной уборки.

– С февраля, – повторяю я. – Это значит, на нашей годовщине, которую мы с тобой отмечали четыре дня назад, ужином, в этой самой комнате, ты уже…

– Анюта, ну что ты, гхм, как маленькая. – Он морщится, будто я упомянула что-то неприличное. – Я же не ухожу из семьи, я ухожу к женщине, это разные вещи, правда? Мы с тобой двадцать три года вместе, у нас сын, у нас дело. Никто ничего не разрушает. Просто мне нужно пожить по-другому, а тебе нужно отдохнуть. Мы взрослые люди и всё решим цивилизованно.

– А если я скажу, что не хочу цивилизованно?

– Тогда будет больнее, и тебе, и Нилу. – Он встаёт, застёгивает чемодан одним движением, и молния жужжит, будто разрезает ткань воздуха. – Я не злой, Анита. Я просто не вижу смысла в крике. Заедет юрист, поможет с бумагами, чтоб тебе было спокойно. Дом, естественно, остаётся вам. Я всё продумал.

Я смотрю, как он поднимает чемодан, как перекладывает пиджак на руку, как нащупывает в кармане ключи от мерседеса. Он ни разу не обернулся к лестнице, не вспомнил про сына, который сверху слышит каждое слово, потому что в этом доме слышно всё. Мне хочется закричать что-нибудь вроде «двадцать лет, Ильдар!», хочется швырнуть в него пачкой с этим дурацким овалом, но Нил наверху, и я твёрдо обещаю себе, что не заплачу при нём, при муже, в этом коридоре.

– Ключи от дома оставь, – говорю я ровно. – Я в понедельник сменю замок.

Он на секунду замирает, потом достаёт связку, снимает с кольца один ключ и кладёт его на комод рядом с моим клатчем. Дверь открывается, впуская тёплый ночной воздух с запахом цветущей липы, и закрывается почти беззвучно, как у человека, который умеет уходить красиво.

Чемодан стучит колёсиками по плитке, которую я сама выбирала, и мне вдруг страшнее всего не то, что он уходит, а то, как легко у него это получается.

Глава 2. Пап сказал, ты сама согласилась

В шесть утра я стою на кухне и замешиваю тесто, потому что не спала ни минуты, а руки не знают, что делать с бессонницей. Мука, вода, щепотка соли, яйцо: пропорции я не взвешиваю, они живут в запястьях с двадцати шести лет. За окном уже светло, на яблоне орёт какая-то птица, с реки тянет прохладой, которая к обеду превратится в жару. Сегодня пятница, двенадцатое июня, День России, фабрика закрыта, и мне некуда идти, а потому я месила бы это тесто, даже если бы оно мне было не нужно.

Лепить из него я не собираюсь. Просто тесто послушное: если его хорошо взять, оно отвечает, а на все остальные вопросы этой ночи мне никто пока не ответил. Ильдар не вернулся, не позвонил, не прислал даже короткого «как ты». Только в три часа ночи пришло сообщение о том, что юрист свяжется со мной «в удобное время», и я прочитала его раз десять, как читают квитанцию, пытаясь найти ошибку в сумме.

Лестница скрипит на третьей ступеньке, и я оборачиваюсь, не выпуская тесто из рук. Нил спускается в мятой футболке, с наушниками на шее, и вид у него такой, будто он тоже не ложился, а просто лежал и смотрел в потолок. Он останавливается в дверях кухни, увидев меня, потом стол, потом миску.

– Мам, ты чего, пельмени, что ли, затеяла? В шесть утра? – спрашивает он хрипло и прочищает горло.

– Просто мешу. Чай будешь? Или каши тебе сварить, пока я тут.

– Не надо. – Он отодвигает стул, садится и некоторое время рассматривает свои руки. – Мам, ну, я слышал, как папа вчера… ну, ты знаешь. Весь дом слышал. Я хотел спуститься, а потом подумал, что тебе будет ещё хуже, если я начну. Ты прости.

– Нил, сынок, посмотри на меня. – Я вытираю ладони о фартук и сажусь напротив, и тесто остаётся на столе, накрытое полотенцем. – Ты вчера у проходной сказал мне что-то вроде «не обижайся». Я весь вечер думаю, на что мне обижаться. Говори прямо, я не развалюсь.

Он молчит так долго, что я успеваю услышать, как капает кран над раковиной. Потом сдёргивает наушники с шеи и начинает мять провод.

– Короче, я знал про Сабрину. Давно. С мая, наверное. Я ехал со всеми с практики, и они стояли в папиной машине у светофора на Свердловском, и… в общем, они не просто разговаривали, мам. Я тогда подумал, ну, может, мне показалось. Потом ещё раз видел. Я не знал, как тебе сказать. Папа потом сам заметил, что я видел, и мы поговорили.

– Поговорили, – повторяю я. – И что он тебе сказал?

– Что это временное, что он сам всё решит и чтобы я не лез. – Нил поднимает глаза, и они у него красные. – И что ты, мол, сама согласилась отдохнуть от всего, что вам обоим нужна пауза. Пап сказал, ты сама согласилась. Я думал, вы вместе договорились, мам, честное слово! Я думал, это такой семейный план, ну… по-взрослому.

– Я согласилась?! – У меня срывается голос, и я резко встаю, и стул с грохотом отъезжает к стене. – Нил, да я вчера узнала, что мне пора отдыхать, вместе со всей планёркой! Двенадцать человек слышали! Как ты мог поверить, что я это сама… что я такое придумала? Ты вообще меня знаешь? Я за двадцать лет ни разу не отпросилась на пляж, у меня отпуска нет, я забыла, как он выглядит!

– Мам, ну не кричи, пожалуйста…

– А я буду, имею право! – Я ставлю ладони на стол, и тесто под полотенцем вздрагивает. – Ты знал про любовницу отца с мая. Месяц, Нил. Полтора месяца ты сидел за одним столом со мной и жевал мой борщ.

Он вскакивает, и стул падает уже у него.

– Ну а что я должен был? Прийти и сказать «мама, у папы другая»? Тебе бы стало лучше? – кричит он, и голос ломается на последнем слове, как у подростка. – Вот как раз поэтому я и молчал, потому что знал, что ты будешь орать и плакать, а я не умею это, понимаешь? Я не умею, когда вы оба… короче, я пошёл.

– Нил, подожди, мы не договорили.

– Договорили! – Он хватает со спинки кресла куртку, хотя на улице уже давно за двадцать, и дёргает дверь так, что в серванте звякает посуда. – Я к другу, вернусь вечером. Не жди.

Дверь хлопает, потом слышно, как калитка бьётся о столб. Я стою посреди кухни с мукой на щеках, потому что, видимо, вытирала лицо ладонью, и мне хочется одновременно побежать за ним и никогда больше его не видеть. Ох, господи. Он же не злой, он двадцать один год мальчик, которого вырастили между мной и отцом, и каждый из нас решал, что для него лучше. Я поднимаю упавший стул, потом второй, потом долго мою руки под холодной водой, пока пальцы не перестают дрожать.

***

В девять утра, когда в доме совсем тихо, я сажусь с чашкой на подоконник и открываю на телефоне сайт фабрики. Давно не заходила: зачем, если всё там было мной придумано, от мерных ложек до слова «соседки». Страница загружается медленно, и когда наконец появляется новое оформление, я не сразу узнаю наш собственный сайт. Главная картинка: цех лепки в сумерках, красивый, как с рекламы стиральных машин. Ниже крупно: «Наша история».

«Ильдар Оленев начинал в 2006-м. Молодой менеджер с идеей и командой единомышленников построил производство, которое сегодня выпускает шесть тонн продукции в сутки».

Я читаю дважды. Потом листаю дальше, вниз, где обычно висели фотографии с ярмарок и сертификаты. Там вставлены новые снимки: Ильдар перед линией, Ильдар с лентой на открытии, Ильдар с гостями. Рядом с ним несколько раз мелькает рыжее каре, но моего имени нет нигде. Ни в разделе «Команда», ни в истории, ни в подписях к фото, ни даже мелким шрифтом, где перечисляют благодарности. Как будто ни кухни, ни четырёх килограммов, ни двадцати лет, как будто Анита Оленева просто однажды оказалась в списке сотрудников под строчкой «главный технолог».

– «Команда единомышленников», – произношу я вслух, и голос в пустой кухне звучит чужим. – Ну-у, Ильдар. Спасибо, что хоть про команду вспомнил.

Я закрываю страницу, и телефон тут же мигает: сообщение от Нурии. «Аня, ты как? Я не спала. Приеду к тебе завтра с пирогом, не спорь». И следом ещё одно: «Фирюза тоже приедет, она сама сказала». Я отвечаю коротко и неожиданно для себя ставлю в конце смайлик, а потом стираю его и пишу просто: «Приезжайте. Я буду».

***

Днём становится совсем душно, и я иду наверх, в спальню, потому что хочу переодеться во что-нибудь, что не пахнет вчерашним праздником. Шкаф у нас двустворчатый, мой отсек слева. Я открываю его, достаю с нижней полки старую холщовую сумку, чтобы убрать подальше платье, и замечаю за ней картонную коробку из-под обуви, перевязанную бечёвкой. Знакомая такая коробка. Я полгода не доставала её, а может, и дольше, и теперь опускаюсь на край кровати и тяну бечёвку.

Внутри лежат четыре тетради в клетку. Синяя, зелёная и две коричневые, одна из них с оторванным уголком, потому что в две тысячи восьмом я наступила на неё каблуком, торопясь к поставщику. Я раскрываю синюю и вижу собственный почерк двадцатилетней давности, ещё круглый, ученический: «Фарш свиной 60%, говяжий 40%, лук репчатый, соль, чёрный перец, вода ледяная». А на полях, в уголке, нарисованы корявые кошачьи головы, много, десятка два, потому что Нилу было четыре года, и он «помогал мне работать».

Рядом, на следующей странице, тонкой маминой рукой приписано карандашом: «Анечка, лука поменьше, он горчит». Мама заходила тогда ко мне почти каждый вечер, жила

в соседнем доме, смотрела, как я записываю, читала через плечо и вставляла замечания. После её смерти я эти тетради не открывала, чтобы не читать эту приписку, но сейчас читаю и вдруг слышу, как она это говорит, чуть брезгливо, с лёгким вздохом, как говорила всегда, когда я пересаливала.

Я переворачиваю страницу за страницей. Вот рецепт «Домашних» на двести граммов теста, вот первая сметанная заливка, вот пометка красными чернилами «11.06.2006, продали 4 кг, магазин у дома, получили 1 120 рублей». Я помню этот день так, будто он вчера. Лепили на кухне вчетвером: я, Фирюза-апа, тогда ещё просто Фирюза-соседка со второго, Нурия, румяная, как свежий пирожок, и Гуля, двадцатиоднолетняя студентка, которой нужны были деньги на учебники. Нилу был год и три месяца, и он сидел в манеже у холодильника, громко требовал внимания и методично бросал оттуда в нас резиновых зверей. Нурия хохотала, что мы лепим под обстрелом, Гуля читала вслух конспект по бухучёту, а Фирюза учила нас закручивать пельмени «ушками».

Я прижимаю тетрадь к груди и сижу на кровати, раскачиваясь, пока по щекам течёт то, что я днём ещё могла остановить. Вот оно, моё имя. Не на сайте, не на пачке, не в фильме с дроном. Вот здесь, на клетчатых листах, исписанных детскими кошками и маминым карандашом, и никакой менеджер, никакой «гараж» этого не уберёт. Я аккуратно складываю тетради обратно в коробку, завязываю бечёвку и убираю её не вниз, а на верхнюю полку, поближе. Не знаю зачем. Просто чувствую, что она мне ещё пригодится.

***

В субботу Ильдар приезжает за вещами в одиннадцать утра. Сначала к воротам подъезжает его мерседес, а следом что-то маленькое, ярко-красное, и по звуку мотора я понимаю, кто сидит за рулём. Выхожу на крыльцо, заправляя прядь за ухо, и вижу: у ворот остановилось красное мини, и из него за мной наблюдает сквозь тонированное стекло рыжее каре. Рядом с калиткой стоит Ильдар в светлой рубашке, с пустыми картонными коробками в руках, и вид у него такой, будто он пришёл забирать долг.

– Я быстро, Анита, – говорит он, не заходя на участок. – Рубашки, документы, ноутбук. Я не хотел беспокоить, но надо.

– Заходи, это и твой дом, – отвечаю я как можно спокойнее. – Только коробки не бросай на лестнице, у Нила там вещи.

Он идёт наверх, а я остаюсь на крыльце и против воли разглядываю красную машину. Стекло опускается на четыре пальца, потом до половины, и я вижу тонкую руку, поправляющую солнечные очки. Я не хотела подходить, но ноги сами несут меня к воротам: если я сейчас спрячусь, потом всю жизнь буду помнить, что спряталась.

– Здравствуйте, Анита Сергеевна, – говорит Сабрина холодно и вежливо, так, как здороваются с налоговым инспектором. – Мы не задержимся. Ильдар Маратович просил не создавать вам неудобств.

– Здравствуйте, Сабрина. – Я стою ровно, одной рукой держусь за столб калитки. – Жарко сегодня, вы там на солнце сваритесь, включите хоть кондиционер. Хотите воды? У меня в доме холодная.

Она удивлённо моргает за стёклами очков. Видно, что готовилась к чему угодно: к крику, к слезам, к швырянию вещей в окно, а к предложению воды не готовилась.

– Нет, спасибо, – отвечает она после паузы. – Я в машине подожду.

– Ну, как знаете. – Я пожимаю плечами. – Только двери не закрывайте наглухо, душно будет.

Звучит нелепо, и я сама это понимаю уже на обратном пути к крыльцу, но у меня внутри всё трясётся мелкой дрожью, и это единственный способ остаться вежливой, чтобы не сорваться. В доме наверху хлопают дверцы шкафа. Через двадцать минут Ильдар спускается

с тремя коробками и ноутбуком под мышкой, ставит их в багажник мерседеса и возвращается к калитке.

– Спасибо, что без сцен, – говорит он тихо. – Я ценю.

– Ильдар, – я упираюсь в него взглядом, – ты знаешь, что на сайте фабрики моего имени нет? Нигде. Даже в разделе «Команда».

– А, это. – Он поправляет манжету и отводит глаза. – Это Сабрина занималась новым оформлением, там была чистка контента. Мы поправим, не переживай. Я скажу.

– Поправите.

– Анют, ну что ты, – он пытается улыбнуться, – это же мелочь.

Он уходит к мерседесу, не дожидаясь ответа, и красное мини трогается следом, плавно, красиво, а я стою на дороге и смотрю им вслед, пока красный цвет не растворяется в пыли за поворотом. «Мелочь». Я кладу руку на горячий столб калитки и впервые за три дня чувствую злость, настоящую, густую, как перебродившее тесто.

***

В воскресенье с утра я пеку шарлотку, чтобы не ждать их с пустыми руками, хотя понимаю, что Нурия притащит пирог размером с чемодан. Нил вернулся вчера поздно, прошёл мимо меня на цыпочках и закрылся у себя наверху, а утром спустился, молча выпил кофе и уехал куда-то опять. Дом снова пустой и от этого звонкий, и я два раза поправляю скатерть на столе на террасе, хотя та лежит идеально.

К часу дня калитка скрипит, и по дорожке идут две фигуры. Нурия громкая даже в походке: она шагает по гравию, прижимая к груди огромный противень, накрытый полотенцем, и что-то выговаривает Фирюзе, которая семенит рядом в светлом платочке, с авоськой, где позвякивают банки.

– Аня, я вот тебе скажу, – начинает Нурия ещё от калитки, – я этого Ильдара всегда считала… ой, ладно, не буду при ребёнке, у вас ребёнок дома? Я вот пирог с капустой привезла, с яйцом, как ты любишь, и рыбный ещё, в багажнике, потом принесу!

– Нет Нила, – говорю я, и меня вдруг разбирает смех, нервный, с придыханием. – Нурия, ты понимаешь, что нас трое? Куда нам два пирога?

– Для утешения! – Нурия опускает противень на стол, и терраса вздрагивает. – Для утешения, Аня, пирога много не бывает, это закон природы. Фирюза, достань уже свои банки.

Фирюза-апа достаёт из авоськи маринованные грибы, варенье из крыжовника и маленькую бутылочку, которую тут же прячет обратно с видом девочки, застигнутой в чужом саду. Мы садимся втроём, как в две тысячи шестом, только теперь вокруг не шесть квадратных метров хрущёвки, а яблони, плетёные кресла и вид на воду. Я режу пирог, разливаю чай, и некоторое время мы просто жуём, потому что говорить про это не хочется.

– А он ведь вчера приезжал, да? – спрашивает наконец Фирюза. – С этой рыжей. Мне твоя соседка звонила, говорит, красная машина у ваших ворот стояла, как помидор.

– Приезжал за вещами. Она ждала в машине, я ей воды предложила, – говорю я, и Нурия начинает давиться пирогом от смеха.

– Воды! Фирюза, ты слышишь? Аня ей воды предложила! А-а-а, ну всё, я не могу. А она что?

– Сказала «нет, спасибо». Думаю, они до этого репетировали сценарий, где я кидаюсь сковородкой.

– Надо было сковородкой! – орёт Нурия. – Надо было, Аня, ты слишком добрая! Я бы им обоим устроила такое, что это мини в трубу бы вылетело…

– Нурия! – укоризненно шипит Фирюза и тут же сама хихикает в платок.

Мы смеёмся, и этот смех нарастает, как кипящая вода, и вдруг в какой-то момент у меня опять мокрые щёки, и я не пойму, когда началось. Нурия, перестав хохотать, тянется ко мне

через стол и обнимает за плечи своей широкой тёплой рукой, а Фирюза берёт мою ладонь и гладит большим пальцем шрам на запястье, старый ожог о плиту.

– Плачь, Анечка, плачь, – приговаривает она. – Слёзы воду не мутят, а вымывают. Пословица такая, я её сейчас придумала, но она правильная.

– Я не плачу, это крыжовник, – всхлипываю я. – Он у тебя кислый.

– Ох, ну да, ну да, – кивает Нурия и сама утирает глаза краем полотенца. – Слушай, Аня. Ты что делать собираешься? Не в смысле «всю жизнь», а вот в понедельник?

Я оглядываю сад и думаю о том, что мне в понедельник было велено «отдыхать», что в приказе, который я так и не увидела, возможно, уже стоит моя фамилия и красивый срок. Потом думаю о маминой скалке на подоконнике, о четырёх тетрадях на верхней полке, о пустом месте на сайте, где должно быть моё имя.

– Выйду на работу, – говорю я медленно. – В восемь утра, как всегда. Сяду в лаборатории и буду работать, как ни в чём не бывало. Я главный технолог, Нурия, меня никто не увольнял, и я не вижу причин сидеть дома.

– Правильно! – Нурия стучит кулаком по столу, и чашки подпрыгивают. – Вот это правильно! Пусть видят твою морду каждый день, пусть привыкают, что ты на месте.

– Мою морду, – повторяю я и снова смеюсь. – Ой, Нурия, ну-у, какой отдых, я двадцать лет в отпуске не была, я не знаю, что там делают!

Фирюза качает головой, но уголки губ у неё дрожат, и у всех нас троих смех пополам со слезами, и эти слёзы уже не горькие, а какие-то очищающие, как грозовой дождь после недельной жары. Мы сидим до вечера, доедаем оба пирога и шарлотку, разбираем по косточкам двадцать лет, вспоминаем нашего первого завхоза, который воровал мороженое, и первую машину Ахмета, и как Гуля чуть не вышла замуж за курьера с подгузниками. Когда они уходят, уже темнеет, а в доме по-прежнему тихо.

Я мою посуду и слышу, как около одиннадцати внизу тихо поворачивается замок: Нил вернулся, прошёл мимо кухни, не включая свет, и поднимается по лестнице, осторожно, на цыпочках, чтобы я не вышла. Я не выхожу. Пусть пока так.

На столе у раковины вибрирует телефон, и экран загорается знакомым именем. Я вытираю руки о полотенце и тянусь к телефону: ещё в среду этот человек спал рядом со мной.

В воскресенье вечером приходит сообщение от Ильдара: «Завтра в восемь. Пропуск тебе оставили». Оставили. Как будто это его щедрость.

Глава 3. Дешевле на четыре рубля

На проходной в 7:50 охранник прячет глаза. Он сидит за стеклом, где одиннадцать лет, с самого переезда в это здание, здоровался со мной по имени-отчеству, и вдруг очень занят журналом посещений, хотя журнал давно электронный, а бумажный лежит у него просто для вида. Я прикладываю карту к турникету, и тот пикает зелёным, послушно пропуская меня внутрь, как в любой другой понедельник. Так и должно быть, но у меня всё равно подрагивает рука, потому что с самого утра я ждала красного.

– Доброе утро, Анита Сергеевна, – говорит охранник мне в спину, уже не так бодро, как обычно. – Вас на втором этаже просили зайти. В кабинет к Ильдару Маратовичу.

– Ох, ладно, зайду после лаборатории. Мне пробы принять надо.

– Просили сразу, – добавляет он тише и совсем уж утыкается в монитор.

Я поднимаюсь по лестнице медленно, чтобы успеть привести лицо в порядок. На мне серый льняной костюм, волосы убраны в узел, в сумке термос с чаем. В коридоре второго этажа новые таблички: на дверях бывшей переговорной значится «Коммерческий департамент», а рядом, под стеклом, висит уже готовая именная пластина «Кулагина С. В., коммерческий директор». Быстро они, думаю я. До понедельника пластину сделать успели, а предупредить меня по-человечески было некогда.

Ильдар сидит за столом и разглядывает ноутбук, а напротив, на краю стула, расположился тот самый молодой юрист в узких очках, которого я видела на планёрках раза три. Сабрины нет, и я мысленно благодарю судьбу за эту маленькую милость.

– Доброе утро, Анита. – Ильдар поднимает голову и улыбается так тепло, что мне хочется оглянуться, не вошёл ли кто-то за мной. – Присаживайся. Тут вот бумага, ты посмотри и подпиши, чтобы не тянуть.

Он двигает по столу лист. Приказ: предоставить главному технологу Оленевой А. С. ежегодный оплачиваемый отпуск продолжительностью двадцать восемь календарных дней, с шестнадцатого июня. Внизу три строки подписей, и в одной из них, в самой нижней, уже стоит галочка карандашом, где должна быть моя роспись.

– Ильдар, я читаю это второй раз и не понимаю. Какой отпуск? – Я кладу бумагу обратно, не касаясь пальцами подписи. – Я в графике на отпуск в августе. Ты сам визировал график в декабре. И заявления я не писала.

– Ну так напиши. Я же говорю, чтобы тебе было удобнее. Ты устала, четверг был тяжёлый, дома нужно прийти в себя.

– Ильдар Маратович, – вставляет юрист и поправляет очки, – по закону работодатель вправе…

– Работодатель вправе утвердить график заранее, – перебиваю я его спокойно и неожиданно для себя самой чётко. – А потом переносить отпуск можно только с согласия работника, письменного. Я не соглашаюсь. Мне даже не нужно ничего читать, я эту статью знаю, потому что в две тысячи девятнадцатом ты сам из-за неё отправил двух мастеров на курсы. Давай не будем делать вид, что я не помню.

В кабинете повисает пауза. Юрист косится на Ильдара, Ильдар на лист, потом на меня, и я вижу, как в глазах у него что-то быстро меняется, считается, взвешивается. Я двадцать три года знаю эту мелкую рябь, когда он понимает, что напор не сработал, и решает, как развернуться красиво.

– Ну-у, не хочешь, не надо. – Он убирает лист в папку и снова улыбается. – Я думал, тебе так легче. Нет так нет, выходи на работу, конечно. Просто ты у нас теперь вне оперативного управления, так что много обязанностей я с тебя снимаю.

– Какие именно?

– Узнаешь. Приказ будет, как положено.

Я встаю, и юрист торопливо поднимается тоже, как будто в кабинет вошла судья. Ильдар не вставая смотрит в окно, и я понимаю: он не отступил, он отложил. Это его любимая манера. В дверях я оборачиваюсь, потому что вдруг очень хочется сказать что-то красивое, и не нахожу ничего, кроме вежливого «хорошего дня». Закрываю дверь за собой аккуратно, без хлопка.

В лаборатории тихо, пахнет кислотой и тестом. Лаборантка, молоденькая девочка в очках, ждёт меня у холодильника с образцами, и когда я вхожу, она с облегчением выдыхает и бросается рассказывать про партию гречки, которая вчера пришла с повышенной влажностью. Я слушаю, киваю, и руки сами тянутся к пробиркам, привычные, надёжные. Это моё, думаю я. Пока можно держать пробирку, ничего не потеряно.

***

В среду на втором этаже, в маленькой дегустационной комнате рядом с отделом качества, нас собирают к десяти. Стол накрыт белой скатертью, посередине электрическая плитка с двумя кастрюльками, рядом тарелки и вилки, по краям стульев сидят начальники смен, технолог из второго цеха, пара человек из закупок и девочка из отдела маркетинга, которую я до сегодняшнего дня видела только в столовой. Ильдар приходит последним, садится во главе, и сразу за ним, как тень, входит Сабрина с планшетом.

– Коллеги, всем доброе утро, – произносит она и включает на планшете презентацию, на которой пельмень нарисован с такой любовью, словно это портрет. – Сегодня мы запускаем пилот «Оптимизация две тысячи двадцать шесть». Рынок сжимается, себестоимость мяса растёт, маржа падает, и если мы не хотим терять долю, нам нужен апгрейд рецептуры. Мы работали с поставщиками, с отделом закупок, и нашли решение, которое сохранит вкус, но снизит издержки.

– С отделом закупок вы работали, – повторяю я, и в комнате внезапно становится слышно, как гудит холодильник, – а с технологом нет?

Сабрина встречает мой взгляд ровно, без раздражения, и ответа у неё, кажется, заготовлено уже три разных варианта.

– Анита Сергеевна, вы сейчас вне оперативного управления, и Ильдар Маратович предложил вас не беспокоить. Мы бы с радостью привлекли вас на этапе тестирования, как раз сейчас.

Она кивает девочке из маркетинга, та вносит два блюда под крышками. Пар от пельменей пахнет хорошо, пряно, лук и перец, вроде всё как надо. Нурия, которую позвали как начальника цеха, сидит напротив и крутит в пальцах вилку, и взгляд у неё такой, что я боюсь за сохранность вилки.

Я беру пробу с первой тарелки, откусываю половинку, жую медленно. Тесто тонковато, но для варки сойдёт. А фарш… я останавливаюсь, чтобы убедиться. Ощущение будто жуёшь ватный тампон, пропитанный бульонным кубиком. Мяса нет, вкус острый, химический, чужой, и сквозь это острое пробивается привкус бобовой пасты, тот самый, который я умею ловить с закрытыми глазами за версту.

– Больше соевого белка, – говорю я негромко. – Процентов двадцать, да? А тесто тоньше на сколько, на четверть?

– На пятнадцать процентов, – отвечает Сабрина и опускает глаза в планшет. – Экономия на единице продукции составляет четыре рубля. На объёме шесть тонн в сутки это даёт значительный эффект в годовом исчислении, поэтому…

– Хм, четыре рубля. – Я кладу вилку на тарелку так аккуратно, чтобы звякнуло не слишком. – Сабрина, а вы когда-нибудь ели пельмень, в котором соя громче мяса?

Тишина становится такой плотной, что слышно, как у начальника второй смены хрустит стул. Нурия со стуком кладёт вилку и прикрывает рот ладонью, но плечи у неё ходят ходуном,

и смешок всё равно прорывается наружу. Девочка из маркетинга стремительно краснеет. Сабрина не краснеет, только пальцы на планшете чуть белеют.

– Ну, мы делали дегустацию на фокус-группе, – говорит она всё так же ровно. – Восемьдесят процентов респондентов не заметили разницы.

– Респондентов, – вздыхаю я. – Сабрина, это пельмени. Их едят дети, студенты и старики, которым мясо не по карману, и они не респонденты, они покупатели, которые вернутся в магазин или нет. Вы можете не заметить разницы в первый раз. Во второй раз заметите, в третий уйдёте к соседней марке. Я двадцать лет считаю этот процент и знаю, где предел, и этот предел уже перейдён.

– Анита, ну, – вмешивается Ильдар, всё ещё улыбаясь, – давай без драматизма. Мы сделали анализ, всё считано. Рецептура технологически безопасна, соответствует ГОСТу, сертификат готов. Я утверждаю.

– Ты утверждаешь рецептуру, которую я не согласовала. Как главный технолог я подписываю техкарты, это моя подпись на них стоит все эти годы.

– Подпись технолога требуется в одной графе, в другой она не обязательна. – Он поправляет манжету. – Юрист уже проверил. Сабрина, спасибо, продолжаем по плану. Всем спасибо, пробу можно не доедать.

Вот так, при всех, ласково. Нурия поднимается первой, и стул под ней откатывается на полметра. Идёт к выходу, задев плечом дверной косяк, и в коридоре слышно её громкое, злое: «Уж я им покажу ватный тампон!» Я остаюсь за столом ещё на минуту, потому что хочу досмотреть до конца, как Сабрина собирает презентацию, и вижу: у неё дрожат ресницы. Всего секунду. Потом она снова становится гладкой.

***

В четверг я иду в архив. Он в подвале, в конце коридора, рядом с котельной, и ключ от него лежит у главного технолога с две тысячи пятнадцатого года, то есть у меня. Дверь тугая, замок смазан давно, внутри пахнет бумагой, пылью и мышиными шариками, которые Гульсина ежегодно требует разложить. Я включаю свет, и лампа под потолком долго мигает, прежде чем разгорается.

Мне нужны техкарты две тысячи десятого года, потому что вчера на дегустации я вдруг поняла: если Ильдар утверждает рецептуру без меня, у него есть для этого основание, о котором я не знаю. Железные стеллажи, картонные папки с ярлыками, фиолетовые чернила, потому что принтер у нас тогда был один и печатал плохо. Я нахожу нужную папку в третьем ряду, вытаскиваю, сдуваю пыль и открываю на первом листе.

«Технологическая карта на производство полуфабриката мясного рубленого формованного. Пельмени «Домашние». Утверждаю: директор ООО «Соседки» Оленев И. М. Разработчик: Оленев И. М.»

Я перечитываю последнюю строчку. Потом ещё раз. Потом листаю дальше: «Вкусные», «Сибирские», «С бульоном», «Пельмени по-уральски», и везде, в каждой карточке, в графе «Разработчик», одна и та же аккуратная фамилия. Я вспоминаю, как это было: он принёс эти листы мне в лабораторию, весёлый, пахнущий кофе, и сказал, что для сертификации проще оформить на директора, потому что в органах привыкли видеть мужскую фамилию в таких графах. «Анют, ну ты же понимаешь, это формальность. Ты же знаешь, что рецепты твои». И я махнула рукой, да, махнула, торопилась к поставщику, на улице ждала машина, а у меня на плите стояла кастрюля.

Я сажусь на низкий ящик рядом со стеллажом, и бумага шуршит у меня в руках, как сухие листья. Шестнадцать лет назад я подписалась под тем, что можно не подписываться. Я сама ему это позволила, и не один раз, а каждый день, с каждой следующей мелочью, которую я отдавала с лёгким сердцем: ты занимаешься бумагами, я занимаюсь тестом, мы же семья. Ох. Как же легко ложится кирпич на кирпич, когда ты сам подаёшь его мужу.

Мне хочется порвать эту карточку, и я с трудом разжимаю пальцы. Рвать нельзя, это документ. Я достаю телефон, фотографирую каждую страницу по очереди, раскладываю папку обратно на полку и выхожу, выключив свет.

***

Вечером на парковке я поджидаю Гульсину. Она выходит последней, как обычно, в тёмном костюме, с хвостом, перекинутым через плечо, прижимая к груди блокнот и сумку одновременно. Увидев меня возле своей «Киа», она замирает и оглядывается, не смотрит ли кто из окон.

– Анита Сергеевна, я спешу, у меня дочка…

– Гуля, мне две минуты. – Я говорю спокойно, мягко, как с пугливой лошадью. – Я хочу только спросить: ты знаешь, что в техкартах в разработчиках стоит он?

Она бледнеет под фонарём, и по тому, как быстро Гульсина отводит глаза, я понимаю: знает. Давно знает.

– Анита Сергеевна, – шепчет она почти беззвучно, – я не могу. Пожалуйста. У меня ипотека, до две тысячи тридцать пятого года, дочка в этом году идёт в седьмой, у неё репетиторы и секция. Я не могу потерять эту работу, вы понимаете? Он же… они же…

– Я ничего от тебя не прошу. Даже слова. Я просто хочу понять, что происходит.

– О-о, не втягивайте меня, – она умоляюще складывает ладони, и блокнот выпадает, и мы обе наклоняемся за ним, стукаясь лбами. – Простите. Анита, прости. Я вас очень уважаю. Я не враг. Но я… я не могу.

Она торопливо открывает машину, бросает блокнот на заднее сиденье и уезжает, едва не задев бордюр. Я остаюсь на пустой парковке одна, в духоте, и по асфальту вдоль бордюра ползёт длинная вечерняя тень от фонаря. Седьмой класс, думаю я. Двадцать лет рядом, а я не знала, что у девочки репетиторы.

***

В пятницу у меня с утра хорошее настроение, странное, лёгкое, как перед грозой. Я решила, что буду делать то, что умею: проверять, считать, записывать. Если Ильдар хочет бумажной войны, пусть будет бумажная, у меня на неё есть мамины тетради и пятнадцать минут до цеха.

В 8:20 я иду по коридору к лепке, как делаю это каждый день последние одиннадцать лет. В руке у меня белый халат, в другой пропуск-карта, и я на ходу прикладываю её к считывателю. Замок молчит. Прикладываю ещё раз, плотнее, не торопясь. Красный огонёк мигает: «Доступ запрещён».

– Ну-у, нет, – говорю я вслух, и голос получается тонкий. – Подожди. Ты чего?

Я пробую в третий раз, четвёртый, потом разглядываю карту, дверь, голубоватое лицо считывателя и аккуратную табличку «Цех лепки. Только для персонала, допущенного службой качества». Я эту табличку сама заказывала в две тысячи шестнадцатом, и сама придумывала формулировку.

Охранник идёт по коридору, замедляя шаг. Он стоит в пяти метрах и мнётся, не решаясь подойти.

– Анита Сергеевна, это не я, – говорит он глухо. – Вчера вечером перепрограммировали доступы. Из службы безопасности, по приказу. Мне сказали, вас пока нет в списке.

– В каком списке? – Я оборачиваюсь, и он опускает голову ещё ниже. – Это же мой цех, вы же понимаете, что я технолог, мне надо туда каждый день. По должностной инструкции!

– Ой, Анита Сергеевна, я ничего не могу сделать, – повторяет он, и его голос тонет в гудении вентиляции. – Через начальство только.

Он уходит. Я прижимаюсь лбом к холодной стеклянной двери, потому что иначе упаду, и сквозь стекло вижу цех, белый, залитый светом, сорок женщин в колпаках, ряды столов, ленты, поддоны с тестом. Нурия лепит у третьего стола, по привычке быстро и точно, и вдруг

поднимает глаза и замечает меня. Лицо у неё дёргается, рот приоткрывается, а потом по щеке медленно сползает одна слеза, и она, не прекращая лепить, отворачивается к стене.

Я стою перед дверью собственного цеха, за стеклом Нурия лепит и плачет, а я не могу войти.

Глава 4. После сделки купим тебе квартиру

Во вторник утром у склада стоят трое незнакомцев в одинаковых оранжевых жилетах и фотографируют линии на планшеты. Я иду от проходной к лаборатории с термосом и папкой образцов и замедляю шаг, потому что люди слишком уж аккуратные: ни одной лишней складки на штанинах, ни одного пятна на ботинках, а на жилетах нет логотипа. Один, высокий, с залысинами, присел у пандуса и измеряет ширину дверного проёма, второй снимает на планшет конвейерную ленту, третий записывает что-то в блокнот, шевеля губами. Они не похожи ни на проверяющих из санэпидстанции, ни на поставщиков оборудования, и мне это очень не нравится.

Вот уже неделю я работаю в лаборатории, как будто ничего не случилось. В цех лепки меня пускают только вместе с Нурией, которая каждый раз встречает меня у двери с таким лицом, будто провожает на фронт, и прикладывает свою карту к считывателю. Я привыкла. Человек ко всему привыкает, вот что страшно, и я сама удивляюсь, как быстро научилась ждать у стеклянной двери, пока придут за мной.

– Анита, ты чего застыла? – Ахмет-абый выглядывает из кабины своей «Газели» у склада, и усы подковой у него топорщатся, как у кота, увидевшего чужого. – Иди сюда, пока эти не заметили. Я тебе расскажу такое…

Я подхожу, опираюсь на подножку машины, и в нос бьёт запах бензина и нагретого дерматина. Ахмет двадцать лет возит нашу продукцию и сто раз брал меня с собой на первые партии в «Москвиче-каблучке», где вместо сиденья пассажира стоял ящик из-под помидоров. Он любит меня шумной стариковской нежностью, и когда мы вдвоём, все его шутки куда-то деваются.

– Ахмет-абый, кто это такие? Я первый раз вижу.

– Вот и я первый раз вижу. – Он вытирает лоб клетчатым платком. – Позавчера были, вчера тоже. Говорят, аудиторы из Москвы. Что-то смотрят, считают. А вчера один подошёл ко мне, культурный такой, и давай расспрашивать: сколько машин у нас в парке, на какие маршруты ходят, и чьи именно договоры с магазинами, ну, в смысле, на кого оформлены. Я ему честно сказал: это вы у директора спросите, а я, мол, баранку кручу. Тогда он спрашивает: а кто принимает решения в цехе? Я говорю: ну, Анита Сергеевна, кто же ещё, технолог. А он… – Ахмет замолкает и прищуривается, – записал это в блокнот и сказал «спасибо, очень полезно». Вот не нравится мне это «полезно».

– Ох, Ахмет-абый, у них, наверное, просто такая работа. – Я говорю это для себя, а не для него. – Мало ли, кредитный аудит, проверка для банка. У нас же линия в лизинге.

– Кредитный, не кредитный. Аудитор в оранжевом жилете, который лента меряет? – Ахмет качает головой. – Я, Анита, шестьдесят два года живу, и если человек меряет, значит, будет покупать или будет ломать. Третьего не бывает.

Он уходит к кузову проверять замки, а я стою у «Газели» и чувствую, как по коже ползёт холодок, хотя на улице почти тридцать. Покупать или ломать. Я возвращаюсь к лаборатории, не оглядываясь на жилеты, и в голове у меня почему-то вертится мамина поговорка о том, что чужой человек в доме сначала щупает стены.

***

Через два часа я стою у окна лаборатории с пробиркой в руках, потому что хочу немного подумать, а думаю я всегда лучше с чем-нибудь в руках. Окно выходит на внутренний двор, и на тропинке, ведущей от административного корпуса к производственному, я вижу Ильдара. Он идёт не один, а рядом с мужчиной лет сорока пяти, в тёмно-синем костюме без галстука, гладко выбритым, подтянутым, с аккуратной папкой под мышкой. Мужчина слушает,

чуть склонив голову, и редко кивает, а Ильдар говорит быстро, оживлённо, показывая рукой на корпус, на склад, на линии. Он так обычно показывает дом, который собирается продать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.